

обещаете сдать Иерусалим. Вы можете идти на пять миль в сторону, куда пожелаете, и можете пахать землю в 5 милях от города; я вам доставлю столько съестных припасов, сколько их нигде нет по такой дешевой цене. Предлагаю вам перемирие до Пятидесятницы; и когда это время пастушг, защищайтесь, если получите откуда-нибудь помощь; но если никто не придет к вам, сдайте город, и я прикажу отвести вас в целости на христианскую землю со всем имуществом». Но они отвечали, что, если угодно Богу, они никогда не сдадут города, где Господь претерпел смерть и пролил за нас свою кровь. Когда Саладин увидел, что они не уступают ему города миролюбиво по договору, он поклялся, что возьмет его не иначе, как силой.

Пока Саладин стоял перед Аскалоном Башиан Ибелин просил его именем Бога дать охранную грамоту его жене и детям для препровождения их в Триполь; сам же он не может выполнить условий, предписанных Саладином при отъезде его в Иерусалим, ибо за ним так строго наблюдают, что нет возможности уйти. Саладин владел тогда всем королевством, за исключением Иерусалима, Тира и Крака. Крак никогда не был им осаждаем, но после завоевания страны, спустя два года, голод принудил его жителей к сдаче. Прежде, нежели решиться на то, они продали сарацинам своих жен и детей для покупки съестных припасов, и в замке не было ни одного животного, ничего другого, чем они могли бы питаться. Саладин был очень обрадован, когда они сдались, он выкупил жен и детей, проданных ими, и возвратил им все; сверх того, дал им большую награду и приказал отвести их в христианскую землю. Он поступил так потому, что они столь хорошо и честно защищали замок, пока могли, не имея владельца. В среду вечером Саладин отправился из Аскалона для осады Иерусалима; на следующий день он обложил город от женской больницы прокаженных (*maladerie*, то есть *malum Lazari*, болезнь Лазаря) до мужской и ворот св. Стефана.

Но до пачала осадных действий он предложил жителям сдать город на условиях, высказанных им под Аскалоном; если же

они не согласятся, то пусть знают его клятву в случае приступа овладеть городом не иначе, как силой. Жители Иерусалима отвечали, что он может делать, что хочет, но они не уступят города. Тогда Саладин приказал изготовиться к приступу. Жители также вооружились и вступили в битву с сарацинами, но сражение недолго продолжалось, ибо утреннее солнце било прямо им в глаза, и они отступили в ожидании вечера, когда возобновился приступ до самой ночи. Так Саладин действовал 8 дней, и сарацины не могли загнать христиан в город, ибо они целый день оставались за городом, даже два-три раза гнали сарацин до самих палаток. С этой же стороны сарацины не могли поставить ни камнеметательных машин, ни других осадных орудий. Тогда сарацины начали нападать на христиан следующим образом; они не беспокоили их до девятого часа дня, а после того солнце становилось за спиной сарацин и в лицо христианам, также и пыль; тогда только турки шли на приступ, имея в руках лопатки, которыми они подбрасывали на воздух песок и пыль, летевшие в глаза и лицо христианам.

Когда сарацины убедились, что они ничего не могут сделать с этой стороны, они переменили место осады и обошли город с другой стороны, от ворот св. Стефана до ворот Иосафата и аббатства Масличной горы, откуда они могли видеть все, что делается в городе, исключая узких переулков. Эта перемена произошла в пятницу. Когда осада повелась с этой стороны, христиане были до того стеснены, что не могли делать вылазок, ибо на всем этом пространстве у них не было ни ворот, ни закрытых ходов (*posternes*), которыми можно было бы выйти в поле, исключая хода Магдалины, которым сообщались между двух стен. В день перемены плана осады Саладин устроил камнеметательную машину, которая в тот же день пустила семь раз камни в городскую стену; ночью прибавили орудий, так что на следующий день уже было до 12 машин, укрепленных балками. Утром Саладин, вооружив своих рыцарей, повел их тремя отрядами на приступ; они держали перед собой щиты. Стрелки шли позади и пускали